

УДК 347.6

СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНОПРОЕКТА «О ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» С ПРИНЦИПАМИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Н. А. Аблятипова, Д. И. Рюхтина

Данная статья посвящена анализу положений Законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», в контексте их соотношения с принципами семейного права. Абстрагируясь от сугубо идеологических (политических) рамок, авторами проведен нормативно-правовой анализ текста указанного законопроекта и делается вывод о его соотношении с принципами семейного права, закрепленными в Конституции и Семейном Кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: *принципы семейного права, законопроект, брак, семья, профилактика, семейно-бытовое насилие, вмешательство государства.*

Общеизвестно, что семейные отношения традиционно считаются наиболее личной, интимной сферой жизни человека. Между тем, в виду особой значимости семьи как фундаментального института всякого развитого общества, любое государство стремится установить, с целью её охраны и защиты, определенный уровень контроля. В современную эпоху «революционных» изменений сознания людей, меняется и отношение к институту семьи, что выражается в забвении традиционных ценностных ориентиров и усилении контроля со стороны государственных органов. Ещё Г. Ф. Шершеневич писал: «Физический и нравственный склад семьи создается помимо права. Введение юридического элемента в личные отношения членов семьи представляется не всегда удачным и чаще всего не достигает своей цели. При чрезвычайном разнообразии этических воззрений в различных слоях общества нормы права, определяющие отношение мужа к жене и родителей к детям, представляются в глазах высших, интеллигентных сфер общества слишком отсталыми, в глазах низших слоев — слишком радикальными, изменяющими вековые воззрения. Если юридические нормы совпадают с этическими, они представляются излишними, если они находятся в противоречии, то борьба между ними неравна ввиду замкнутости и психологической неуловимости семейных отношений» [1, с. 299].

Аблятипова Наталья Айдеровна — кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РК, доцент кафедры гражданского права Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь.

Рюхтина Дарья Игоревна — студентка, Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь.

Авангардом вышеуказанных «революционных изменений» в настоящий момент выступает правовая система США, в которой институт семьи переживает определенную трансформацию: всё больше усиливается государственный и общественный контроль за личными семейными отношениями. Как отмечает в своих заметках экс-председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А. А. Иванов: «А вот правовая реакция на определённое социальное (или асоциальное) поведение в сфере интимных отношений между людьми разных полов или одного пола было явлением принципиально новым, поскольку ранее такие отношения регулировались, главным образом, нормами морали. Точнее, речь должна идти о некоем клубке интимных отношений, отдельные нити которого могли оказаться в сфере уголовного, административного или трудового права, но остальные находились вне сферы правового воздействия. И вот теперь, в связи с развитием в Интернете социальных сетей, множество людей стало давать собственную оценку интимного поведения, главным образом, известных лиц (всё началось с политиков), и эта оценка, при совпадении мнения многих, стала влечь юридические последствия, а не просто моральное осуждение» [2]. Таким образом, автор указанной заметки считает, что на Западе формируется так называемое «новое социальное право», в котором мораль смешивается с юридическими процедурами. Полагаем, что в этом вопросе невозможно не согласиться с А. А. Ивановым. Фактически, под давлением леволиберальной политической повестки, правоохранительная система США и части других западных стран, в лице судов и полиции, вторгается в личные семейные отношения².

Безусловно, вмешательство государства в данные отношения допустимо в определенных ситуациях, среди которых выделяется семейно-бытовое насилие. Однако, подобное вмешательство должно осуществляться сугубо на основании принципов семейного права и соответствующего законодательства.

В настоящий момент в Российской Федерации предпринимается благое начинание — разработка законопроекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Между тем, следуя вышеизложенному, данный закон должен соответствовать принципам семейного права, закрепленным в Конституции и Семейном Кодексе Российской Федерации.

Примечательно, что попытки его принятия предпринимались и ранее. Так, 1 октября 2015 г. председателем Совета по правам человека при Президенте РФ Михаилом Федотовым главе государства был передан законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия» с просьбой внести его на рассмотрение Государственной Думы. Однако указанный закон вызвал широкую полемику среди общественности [3, с. 50] и был отклонён по причине его противоречия с действующими принципами семейного права.

Таким образом, мы находим целесообразным провести анализ текущего текста

² Так, в июне 2019 г. в графстве Северный Йоркшир, Англия, женщину задержали на 17 часов после того, как она попросила мужа убраться в доме. Данные действия были расценены как «насилие». Источник: <https://lenta.ru/news/2019/06/27/badhusband/>

рассматриваемого проекта Федерального Закона на предмет его соотношения с принципами семейного права Российской Федерации. Отдельно стоит отметить, что вокруг данного законопроекта развернулась не юридическая, а в первую очередь, общественная политическая дискуссия, в которой применялись такие методы как: пикеты, агитация в средствах массовой информации, ложные статистические данные³.

На текущий момент текст проекта Федерального Закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» предоставлен в окончательной редакции на официальном интернет-сайте Совета Федерации [4]. Он состоит из 28 статей, в которых, в частности, устанавливаются принципы профилактики семейно-бытового насилия, субъекты и их полномочия, формы профилактического воздействия и их особенности, а также раскрываются понятия, используемые в нем.

Наличие пробелов в законопроекте усматривается уже при ознакомлении со статьей 2, согласно которой «семейно-бытовое насилие — умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления» [4]. Данное понятие содержит крайне размытые формулировки. Так, закон не раскрывает, что понимается под «имущественным вредом», «психическими страданиями». Является ли повышенный тон матери по отношению к своему ребенку за неудовлетворительные отметки в школе «психическими страданиями»? Является ли отказ мужа купить жене дорогое украшение «имущественным вредом»? Ответы на эти вопросы из толкования данного законопроекта получить никоим образом невозможно, однако, именно такое понятие «семейно-бытового насилия» положено в его основу.

Более того, вышеуказанная трактовка семейно-бытового насилия вводит новую юридическую конструкцию противоправного деяния, которая при этом не охватывается ни административным, ни уголовным правом. Подобная законотворческая практика явно недопустима, так как создаёт опасный прецедент создания ситуационных правовых конструкций, которые могут повлечь за собой ограничение прав человека. Законодательство должно основываться на классических правовых конструкциях, веками разрабатываемыми юридической наукой, а не на «ситуационных суррогатах», создающих доселе неизвестные правовой доктрине понятия.

Для дальнейшего анализа проекта Федерального закона следует указать действующие принципы семейного права в Российской Федерации. В соответствии с ч. 1 ст. 38 Конституции РФ, материнство и детство, семья находятся под защитой государства [5]. В силу ч. 2 ст. 7 в Российской Федерации обеспечивается

³ Так, сторонники законопроекта заявляли, что в России ежегодно от рук своих мужей погибают свыше 14 000 женщин, что не соответствует действительности, так как данный показатель превышал общее число убийств, совершенных в 2018 и 2019 гг. на территории Российской Федерации. Источник: <https://regnum.ru/news/society/2777954.html>

государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства.

Семейный кодекс Российской Федерации также закрепляет перечень принципов в ст.1:

- 1) необходимость укрепления семьи;
- 2) недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи;
- 3) обеспечение беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав;
- 4) обеспечение возможности судебной защиты семейных прав;
- 5) добровольность брачного союза мужчины и женщины;
- 6) признание только гражданского светского брака;
- 7) равенство прав супругов в семье;
- 8) приоритет семейного воспитания детей;
- 9) обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи;
- 10) недопустимость ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности [6].

Особое значение в рамках рассматриваемого вопроса приобретает принцип недопустимости вмешательства кого-либо в дела семьи. В юридической литературе данный принцип раскрывается следующим образом: «Это означает, что члены семьи свободны в принятии каких бы то ни было решений, затрагивающих интересы семьи. Никто не вправе «диктовать» свою волю членам семьи или осуществлять вмешательство в дела семьи иным образом» [7, с. 20]. Значение этого принципа подчеркивал также Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 июня 2018 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К. С. и гражданки Р. С.» [8].

Возвращаясь к анализу рассматриваемого законопроекта, необходимо обратить внимание на статьи 5–16, которые устанавливают перечень субъектов профилактики семейно-бытового насилия и закрепляют их полномочия. Статья 5 включает в себя список из 12 субъектов профилактических мер, среди которых числятся общественные объединения и иные некоммерческие организации, осуществляющие деятельность в сфере профилактики семейно-бытового насилия. Законопроект в ст. 16 закрепляет за данным субъектом следующие полномочия:

- 1) принимать участие в выявлении причин и условий совершения семейно-бытового насилия и их устранении;
- 2) оказывать правовую, социальную, психологическую и иную помощь лицам, подвергшимся семейно-бытовому насилию; содействовать примирению лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию, с нарушителем;
- 3) проводить информационные кампании, направленные на профилактику семейно-бытового насилия и просвещение населения в сфере семейно-бытовых

отношений;

4) принимать участие в индивидуальной профилактической работе с нарушителями посредством применения форм профилактического воздействия, предусмотренных пп. 1, 5–7 части 3 статьи 18 настоящего Федерального закона.

Полагаем, что вышеуказанные нормы напрямую нарушают принцип недопустимости вмешательства кого-либо в дела семьи, так как фактически проект закона допускает, что некоммерческая организация, которая не является органом публичной (государственной) власти, вправе, например, принудить лицо, совершившее семейно-бытовое насилие (с учетом крайне размытой формулировки), к прохождению так называемых «специализированных психологических программ».

Считаем, что некоммерческая организация не имеет и не может иметь права принуждать членов семьи к обязательному прохождению различных профилактических мероприятий, так как это напрямую нарушает принцип недопустимости вмешательства кого-либо в дела семьи, а также принцип ограничения прав граждан в семье только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан.

Однако наиболее спорными являются положения п. 4 ст. 23, согласно которым организации специализированного социального обслуживания в субъектах Российской Федерации при предоставлении услуг по психологическому сопровождению нарушителей могут привлекать общественные объединения и некоммерческие организации, осуществляющие деятельность в сфере профилактики семейно-бытового насилия, благотворительные и религиозные организации, а также индивидуальных предпринимателей. Рассматриваемое положение допускает вмешательство субъектов предпринимательской (коммерческой) деятельности в семейные правоотношения, что противоречит не только принципам семейного права, но и здравому смыслу. Само понятие «индивидуальный предприниматель» уже включает в себя нацеленность на извлечение прибыли, гипотетическое привлечение данных лиц к участию в психологическом сопровождении нарушителей может повлечь многочисленные нарушения (в частности, индивидуальный предприниматель будет заинтересован не в оказании эффективной психологической помощи, а в извлечении прибыли из данной деятельности). Более того, даже если допустить участие рассматриваемых лиц в профилактике семейно-бытового насилия, необходимо выработать ряд критериев, на основании которых индивидуальные предприниматели будут допущены к этой деятельности. Теоретически, представляется возможным лицензировать рассматриваемый вид деятельности.

В определенную конфронтацию с принципами семейного права вступают нормы, содержащиеся в статье 24 Законопроекта. Данная статья регулирует институт «защитного предписания», который практически без изменений скопирован из одноименного института в законодательстве США. Между тем, данная конструкция может серьезно ограничить равенство супругов в семье, так как она допускает запрет: общаться с лицом (лицами), подвергшимся (подвергшимися) семейно-бытовому

насилию, в том числе по телефону, с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет; предпринимать попытки выяснять место пребывания лица (лиц), подвергнувшегося (подвергшихся) семейно-бытовому насилию, если это лицо (лица) находится (находятся) в месте, неизвестном нарушителю. Полагаем, что сами по себе такие ограничения допустимы, если жизни или здоровью лица создается реальная угроза. Однако размытость рамок понятия семейно-бытового насилия позволяет по любому удобному поводу нарушить принцип равенства супругов в семье, что в большинстве случаев, вероятно, будет приводить к дальнейшему распаду семьи, а не её сохранению. Примечательно также то, что данное предписание может выдаваться не только судом, но должностными лицами внутренних дел. Тем самым допускается ограничение базовых семейных прав (в частности, общаться с супругом и иными родственниками) на основании административного, а не судебного акта, что потенциально создаёт возможности для коррупции в данной сфере.

Отдельно отметим, что судебное защитное предписание допускает возможность обязать «нарушителя» покинуть место совместного проживания с пострадавшим, независимо от того, кто является собственником помещения. Названная мера, в совокупности с другими положениями законопроекта, открывает широчайшие возможности для произвольного ограничения права собственности членов семьи. Так, рассмотрим ситуацию, что супруги А. и Б. проживают в квартире, которая ещё до брака находилась в собственности Б. В отношении Б. суд вынес защитное предписание, которое обязывает его (её) покинуть место совместного проживания. При этом Б. не имеет какого-либо иного жилья, а также финансовых средств, необходимых для найма жилого помещения. Таким образом, Б. фактически будет лишен(а) единственного местожительства. Рассматриваемый проект Федерального закона никоим образом не учитывает, что далеко не каждый гражданин имеет возможность найти иное местожительство для временного проживания. СМИ ссылаются на то, что в случае отсутствия у предполагаемого нарушителя иного местожительства, суд применит иную меру, не связанную с лишением местожительства. Между тем, сам проект не содержит данного положения, следовательно, опасность произвольного лишения жилья является обоснованной.

Наиболее спорное с точки зрения соответствия принципам семейного права положение содержится в п. 2 ст. 17 данного Закона, устанавливающее основания для осуществления мер профилактики семейно-бытового насилия. Данный пункт допускает, что основанием является обращение граждан, которым стало известно о свершившемся факте такого насилия, а также об угрозах его совершения в отношении лиц, находящихся в беспомощном или зависимом состоянии. Указанная норма может послужить фундаментом для возрождения методов, применяемых в 1937 г.: ложные «доносы» на соседей. Фактически названное положение прямо допускает вмешательство третьих лиц в семейные отношения, что создает чрезвычайно широкие возможности для различных злоупотреблений данным правом. Недалека от реальности ситуация, при которой недобросовестный сосед может зафиксировать, как

родители ругают ребенка за какой-либо проступок, однако, в связи с абстрактной трактовкой семейно-бытового насилия, подобный факт может послужить, как минимум, основанием для проведения проверочных мероприятий в отношении данной семьи, что причинит ей определенные проблемы.

На основании изложенных доводов мы можем сделать вывод, что рассмотренный законопроект вступает в прямое противоречие с действующими принципами семейного права, закрепленными в Семейном кодексе и Конституции Российской Федерации. Большинство его положений «скопировано» из законодательства западных стран без учета особенностей семейных отношений в Российской Федерации. Не затрагивая моральную сторону вопроса, данный закон содержит множество юридически неточных терминов, широкая трактовка которых может привести к катастрофическим для развития права и семейных отношений последствиям. Мы не отрицаем сам факт наличия проблемы семейно-бытового насилия, однако действующее законодательство (в частности, Кодекс об административных правонарушениях, Уголовный кодекс, ФЗ «О полиции», а также Семейный кодекс) уже содержат в себе механизмы, направленные на охрану и защиту членов семьи от семейно-бытового насилия. Иным вопросом уже является применение данных мер на практике. Действительно, мы убеждены, что нередки случаи, когда уполномоченные государственные органы не реагируют должным образом на случаи реального семейно-бытового насилия. Недаром в обществе стала крылатой фраза: «Когда убьют — тогда и приходите». Но исправит ли данный законопроект, в случае его принятия в текущем виде, эту ситуацию или же создаст лишь большие проблемы в правоприменительной практике? На основании вышеизложенного, можно обосновано говорить о том, что данный закон содержит существенные пробелы, и принятие его в текущем виде явно недопустимо.

В качестве альтернативы предлагаем следующие меры:

1) просвещение населения о проблемах семейно-бытового насилия при содействии НКО. Законопроект содержит данное положение, однако нет никаких правовых препятствий для осуществления подобной деятельности и без его принятия;

2) принятие Министерством Внутренних Дел подзаконных нормативно-правовых актов (инструкции), регулирующих подробный порядок минимально необходимых действий сотрудников органов МВД при поступлении обращений о случаях бытового насилия. Необходимость данной меры вытекает из частых случаев непринятия необходимых мер сотрудниками указанного ведомства;

3) создание при отделениях МВД «шелтеров (от англ. Shelter — убежище)» или же кризисных центров, в которых жертвы домашнего насилия смогут найти временное убежище. Такая мера позволит, во-первых, обеспечить должную защиту предполагаемых жертв, так как они будут находиться под охраной полиции, во-вторых, этот институт обеспечит баланс интересов предполагаемой жертвы и предполагаемого нарушителя, так как не допустит ограничения права собственности на жилое помещение, которые принадлежит гипотетическому нарушителю;

4) борьба с алкоголизмом как с одной из причин домашнего насилия;

5) создание общегосударственной «горячей телефонной линии» для предоставления круглосуточных консультаций о возможных действиях при семейно-бытовом насилии.

Литература

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Том 2. Особенная часть. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 450 с.

2. Иванов А. А. Новое социальное право // Авторская страница «ANTONIVANOV.RU» [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/ivanov.pravo> (дата обращения: 29.06.2021).

3. Ильяшенко А. Н. Перспективы законопроекта «о профилактике семейно-бытового насилия» в контексте мер противодействия сексуальной насильственной преступности в семье // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2015. — №4 (30). — С.49–53.

4. Законопроект Федерального Закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // Официальный интернет-сайт Совета Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEfKLUlq7JAARUS.pdf> (дата обращения: 29.06.2021).

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета, 4 июля 2020.

6. Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г. №1. Ст. 16.

7. Семейное право: Учебник / Гонгало Б. М., Крашенинников П. В., Михеева Л. Ю. — М.: Статут. — 2019, 304 с.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июня 2018 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К. С. и гражданки Р. С.» // Российская газета. Федеральный выпуск № 139(7602), 29 июня 2018г.

CORRELATION OF THE DRAFT LAW “ON PREVENTION OF FAMILY AND DOMESTIC VIOLENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION” WITH THE PRINCIPLES OF FAMILY LAW

N.A. Ablyatipova, D.I. Ryukhtina

Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol

This article analyzes the provisions of the Draft Law "On the Prevention of Domestic Violence in the Russian Federation" in the context of their relationship with the principles of family law. Abstracting from a purely ideological (political) framework, the authors carried out a normative and legal analysis of the text of this draft law and draws a conclusion about its correlation with the principles of family law enshrined in the Constitution and the Family Code of the Russian Federation.

Keywords: *principles of family law, draft law, marriage, family, prevention, domestic violence, state intervention.*